

КНИЖНАЯ ПОЛКА

А.Ф. Яковлева

Размышления над книгой «Релятивизм как болезнь современной философии»*

Яковлева Александра Федоровна – кандидат политических наук, ученый секретарь. Институт философии РАН. 119991, Российская Федерация, Москва, ул. Волхонка 14, стр. 5; e-mail: afyakovleva@gmail.com

В статье осуществлен разбор книги «Релятивизм как болезнь современной философии» (отв. ред. В.А. Лекторский). Анализируются основные проблемы, связанные с тенденцией релятивизации в процессах познания и в современной эпистемологии. Авторы выделяют разные типы и виды релятивизма, подчеркивая необходимость отделять знание от мнения, истину от заблуждения и лжи, чтобы познание не сводилось к некоторому ситуационному знанию. Особое внимание уделено анализу релятивистских тенденций в развитии науки и в моделировании развития культуры.

Ключевые слова: релятивизм, эпистемология, относительность, познание, наука, каркас, культура, философия, диалог

Проблема релятивного, или относительного в познании, вариативности/условности истины – предмет обсуждения в недавно вышедшей книге «Релятивизм как болезнь современной философии» под редакцией академика В.А. Лекторского. Исследователей – авторов этой книги интересует релятивизм в науке и в моделировании развития культуры. Эта книга – одна из немногих в России, посвященных данной проблематике, хотя немногим ранее проблемы релятивизма в сравнении с плюрализмом и критицизмом обсуждались в рамках исследования «Релятивизм, плюрализм, критицизм: эпи-

* Релятивизм как болезнь современной философии / Отв. ред. В.А. Лекторский. М.: Канон+, 2015. 392 с.

стемологический анализ» (отв. ред. В.А. Лекторский. М.: ИФРАН, 2012), в котором приняли участие некоторые авторы и этой книги, а всесторонняя критика эпистемологического релятивизма с характеристикой его видов и критикой аргументов представлена в ряде работ Е.А. Мамчур (Мамчур Е.А. Объективность науки и релятивизм: (К дискуссиям в современной эпистемологии). М.: ИФРАН, 2004; Мамчур Е.А. Эпистемологический релятивизм: гносеологические истоки // Эпистемология: перспективы развития. М., 2012. С. 273–295). Само название рассматриваемой книги задает настрой и достаточно точно определяет содержание, практически слово в слово повторяя выражение Карла Поппера о том, что «интеллектуальный и моральный релятивизм – вот главная болезнь философии нашего времени»¹.

Вообще, первичным и основным процессом в развитии каждой болезни является повреждение, разрушение, дезорганизация структур и функций заболевшего организма, за которым следует защитная реакция системы организма. Основной признак, характеризующий болезнь, как с биологической, так и социальной точки зрения, – «стеснение», нарушение, повреждение жизни при болезни. В данном размышлении над этой интереснейшей книгой делается попытка понять – болезнь ли это, и если да, то справятся ли защитные функции организма современной философии с этой болезнью, выработают ли иммунитет. Книга предлагает целый ряд способов справиться с ней: во-первых, с помощью эпистемологических и логических методов вообще доказать, что это болезнь (несмотря на то, что предисловие книги начинается со слов «Релятивизм кажется одержавшим победу»), во-вторых, повергнуть болезнь с помощью досконального изучения ее природы. Представляется, что для самого простого, обыденного понимания того, как соотносятся релятивное и абсолютное в познании, можно представить сосуд, наполненный жидкостью. Жидкость не меняет своего химического состава и свойств от того, какой формы данный сосуд, однако внешнему наблюдателю это не видно. В зависимости от цвета, формы, степени прозрачности и прочих характеристик сосуда внешний наблюдатель может не увидеть и не понять его содержания. Он судит о содержании относительно формы, его зна-

¹ *Поппер К.* Открытое общество и его враги. / Пер. с англ. яз. Под общ. ред. В.Н. Садовского. Т. 2. М., 1992. С. 441.

ние о содержании ограничено этой формой, сводится к мнению, некоторому ситуационному знанию. Форма, таким образом, становится выражением содержания, не меняя при этом первичного смысла этого содержания. То же с релятивистскими каркасами – мысль, исследующая реальность, но закованная в парадигмальные каркасы, просто видна не полностью, релятивизм как бы скрывает мысль и не дает раскрыться ей во всей ее полноте. Здесь видны все признаки того, что релятивизм – это не какая-то смертельная болезнь, а всего лишь форма, скрывающая истинное содержание, однако до определенного момента определяющая его, используемая в ряде подходов как методологическая рамка. Заложенное в релятивизме отрицание объективного существования истины, а значит, реальности как существующей независимо от ее восприятия, позволяет релятивистам строить свой мир, не допуская существования мира «до них». Но факт остается фактом: в содержании современного научного знания происходят изменения. Но требуют ли они изменений в эпистемологии, т. е. трансформации структуры нашего мышления? Этот вопрос и волнует авторов книги и нас.

Каркасы релятивизма: замкнутость или открытость?

Придание значительной роли языка в конструировании реальности, создание концептуальных каркасов в конструировании опыта и признанием существования разнообразия таких языков и каркасов очень повлияло на распространение релятивизма (В.А. Лекторский, с. 10). В своей статье В.А. Лекторский объясняет, почему ряд теорий, в частности взгляды Р. Карнапа, Т. Куна, П. Фейерабенда, Э. Сепир и Б. Уорфа, Д. Блура и др., имеют все признаки релятивизма. Релятивистами отвергается поиск истины как цели познания, а само познание сводится к исследованию с использованием возможности выбора определенных исследовательских средств, подходящих для данной конкретной ситуации, цели конкретного исследования, т. е. выбираемых *относительно* этой цели. Примат связи (относительности) над приматом истины – вот основной признак этой болезни. Не теоретические вопросы типа «что это?», а практические типа «как это сделать?» заботят релятивиста.

Причиной укрепления релятивизма в эпистемологии стало распространение постмодернистских тенденций, по словам Н.М. Смирновой, «ревизовавших значимость каких бы то ни было стандартов, иерархии систем ценностей, трансцендентальных идеалов. Представление о том, что в качестве исследовательского средства “все сгодится” (П. Фейерабенд), способствовало размышлению методологических стандартов философской эпистемологии» (с. 61). Условие, при котором существуют различные концептуальные схемы/каркасы, по отношению к которым истина должна быть релятивизирована, требует допустить, что должны быть концептуальные схемы без общей системы координат, в которую они могут быть помещены.

Основной тезис релятивистов, – пишет В.А. Лекторский, – состоит в том, что истина может существовать только в рамках того или иного концептуального (языкового) каркаса, а мир строится самим познающим, значит, реальность зависит от самого познающего и выбранной концепции (парадигмы) (с. 13). Одна из особенностей эпистемологического релятивизма состоит в том, что в его рамках все подходы равноценны: выбирай любой и строй свое видение мира, свою реальность. Однако как мыслить, не имея никаких гарантий и никаких готовых ответов на те вопросы, которые перед нами возникают, и не стать при этом релятивистом? По словам В.А. Лекторского, последовательное проведение релятивистской установки означает отказ от таких фундаментальных ценностей культуры, как ориентация на поиск истины и получение знания, рациональность, необходимость осмысления мира и человека в нем. Релятивист консервирует сложившиеся концептуальные и ценностные системы и исключает возможность критической дискуссии (дискуссия невозможна, если у каждого участника свои критерии рациональности и обоснованности).

Языковые каркасы исследуются в статье Д.В. Иванова, который рассматривает релятивизм как критику метафизики в рамках аналитической традиции. Важнейшим элементом такого релятивизма является отказ рассматривать онтологические вопросы о существовании объектов вне контекстов языковых описаний. В зависимости от того, с каким языковым каркасом мы имеем дело, например логическим или фактическим, ответы могут быть получены либо логическими, либо эмпирическими методами.

Начиная с Карнапа, пишет он, – в философии происходит то, что Рорти чуть позднее назовет лингвистическим поворотом, т. е. переориентация на решение ключевых философских вопросов посредством анализа языка, или посредством концептуального анализа. Д.В. Иванов показывает особенности т. н. нормативного релятивизма, подразумевающего зависимость существования данных объектов от того концептуального контекста, в котором они выделяются как существующие, т. е. антиреалистскую позицию по отношению к релятивизируемым объектам. «Нормативный релятивизм становится проблематичным, когда антиреализм соединяется со стремлением философов сделать максимальные обобщения, отталкиваясь от вполне приемлемых примеров, т. е. когда философы перестают обращать внимание на тонкие различия, которые можно провести относительно онтологического статуса различных объектов, и делают выводы, например, о том, что существование любого объекта зависит от некоторого контекста», – пишет Д.В. Иванов (с. 119).

С.А. Павлов считает, что принцип, провозглашенный Карнапом, состоящий в том, что «каждый свободен построить свою собственную логику, то есть свою собственную форму языка по своему желанию», подразумевает построения собственных логик как языковых игр в стиле постмодерна, в зависимости от своих желаний, а не основанных на логически истинных положениях, и дает синтаксические правила вместо философских аргументов. Поэтому, делает вывод С.А. Павлов, в логике и ее основаниях имеет место конвенционализм и релятивизм (с. 338).

В свою очередь И. Нийнилуото определяет релятивизм как связку различных доктрин, некоторые формы релятивизма могут быть верны, некоторые – нет (с. 32), – утверждает он. В зависимости от философских предпосылок существуют также систематические взаимосвязи между различными релятивистскими тезисами. Например, классовое положение как основание релятивности (классовый релятивизм или с релятивизм каркасов), язык женщин как отличающийся от мужского языка (гендерный релятивизм) (с. 34). Умеренный релятивизм в отношении проблемы обоснования (джастификации) не делает невозможным сползание к более сильным формам релятивизма по отношению к истине и реальности, – делает вывод И. Нийнилуото.

Н.С. Автономова делает важнейшее предложение, касающееся употребления слова релятивизм: «необходимо разграничивать негативно нагруженное слово и понятие “релятивизм” и ценностно-нейтральное слово и понятие “релятивность” (или иначе – соотносённость, заданность через отношения). Тогда можно будет говорить, например, о соотносённости объекта с концептуальным инструментарием, посредством которого он нам дается, о соотносённости мысли с определенными предпосылками познания или с чертами эпохи в ее культурно-исторических параметрах и др.» (с. 269).

Н.С. Автономова подчеркивает, что «проблема релятивизма не самозамкнута: способы ее постановки (обострение или, наоборот, размывание) становятся лакмусовой бумажкой для характеристики определенной ситуации в обществе, науке и культуре – ситуации вполне объективной и не определяемой чьей-то злой или доброй волей. Эта ситуация требует от человека одновременно и большей смелости (не бояться неожиданного) и большей мудрости (являть терпение и толерантность)». В своей статье, защищая Ж. Деррида от обвинений в релятивизме, она считает, что он предлагает своей идеей «структурной открытости» (одновременно и «структурности», и «открытости») открыться другому миру, он «больше всего печется о том, чтобы старые презумпции и навязанные нам стереотипы восприятия не закрыли от нашего внимания тех моментов новизны, которые нам предстоит открыть в том, что нас окружает, или в том, что готово наступить. Если мы хотим, чтобы у нас вообще было будущее».

Таким образом, можно поставить вопрос и так: чтобы избежать релятивизма, можно пытаться *соотносить* реальность со средствами ее структурирования, но не ставить ее в *прямую зависимость* от этих средств. Это Н.С. Автономова называет медийной релятивностью, или отнесенностью к средствам (с. 274).

Границы релятивизма. Знание и мнение

Важнейшим пунктом в исследовании эпистемологического релятивизма является необходимость отличать его от понятий, сходных или близких релятивизму. Ключевым здесь является вопрос отношения к проблеме истины, именно он позволяет выявить осо-

бенности релятивизма по сравнению с кустом сходных на первый взгляд понятий. Известный философ науки Дж. Агасси² полагает, что релятивизм – это не столько принятие относительной истины, сколько отрицание истины абсолютной. Сразу заметим, что релятивизм, скептицизм и плюрализм роднит то, что получение знания основано на мнении. Само словообразование, объясняющее эти явления, *сомнение* (скептицизм), разнообразие *мнений* (плюрализм) определяет происходящий в их рамках познавательный процесс. Это мнения, основанные на каком-то познавательном опыте, но обусловленные ситуацией. Однако, как пишет Е.О. Труфанова, есть опасность, что «если любое мнение получит статус “знания”, то знание перестанет существовать, будут существовать лишь мнения» (с. 261). «Человеку, на которого обрушиваются информационные потоки, все труднее отделить то, что существует на самом деле, от того, что только кажется реальным, знание от мнения, истину от заблуждения и лжи», – замечает В.А. Лекторский (с. 7).

К. Поппер, говоря о релятивизме, ставит его на одну чашу весов со скептицизмом, справедливо отмечая, что в основе обоих лежит отношение к проблеме истины, вернее убеждению в том, что «объективной истины вообще нет»³. Е.Л. Черткова, наоборот, различает эти два понятия, причем основываясь именно на этом отношении к истине. Она соглашается с тем, что общность релятивизму и скептицизму придает присущая им многослойность и утверждение о трудности процессов познания. Однако Черткова выявляет принципиальную разницу между ними: «скептик подчеркивает несоответствие между знанием и мнением, в то время как релятивист отказывается признавать само это различие. Если скептик обеспокоен вопросом, можем ли мы познать истину, т. е. мир, каков он есть, то релятивист предлагает отрешиться от этого вопроса и рассматривать познание как инструмент практического согласования конвенциональных убеждений» (с. 129). Скептик сомневается в возможности нахождения истины, не отрицая существования действительного положения дел и не утверждая, что у разных людей своя истина, – пишет, в свою очередь В.А. Лекторский (с. 10). При этом нужно учитывать, как замечает Н.С. Автоно-

² *Agassi J. Kuhn's way // Philosophy of the social sciences. 2002. September. Vol. 32. No. 3. P. 416–417.*

³ *Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т. 2. С. 441.*

мова, что скептицизм, как бы мы его ни трактовали, обрекает нас на пассивную позицию, потому что разъедает нашу способность к действию (с. 298).

Примерно та же ситуация и с плюрализмом. В.А. Лекторский пишет, что ни плюрализм «миров» и разнообразие восприятий реальности, суждений, к ним относящихся, ни множество языковых картин мира, ни даже парадигм (плюрализм научных концепций), вопреки утверждению Куна, не ведет к релятивизму, т. к. введение новой концепции или парадигмы может только оживить критическую дискуссию, а значит, дать толчок к новому знанию (с. 24). Итак, скептицизм и плюрализм не являются релятивизмом, т. к. допускают существование истины.

Н.М. Смирнова в своей статье отмечает, что «когнитивное оправдание релятивизма в рамках аналитической философии <...> базируется на демаркации его содержания с содержанием когнитивно близких ему понятий плюрализма, догматизма, скептицизма и т. п.». Она показывает, как в аналитической традиции релятивизм взаимодействует с кластером родственных понятий плюрализма, догматизма, скептицизма, как каталогизация многообразия его видов «расщепляет» содержание понятия релятивизма. Н.М. Смирнова считает, что плюрализм – более общее, «родовое» по отношению к релятивизму (с. 62–65).

Часть статей посвящена релятивизму в структуре эпистемологического знания и его соотношению с другими понятиями: агностицизмом, солипсизмом, софистикой, диалектикой, прагматизмом и даже анархизмом (Г.Д. Левин, И. Нийнилуото). Если опираться на определение релятивизма как простого *отрицания абсолютизма*, данное представителем Эдинбургской школы Д. Блуром, то, по мнению Г.Д. Левина, это не позволит отличить его от скептицизма, агностицизма, солипсизма и софистики. Их необходимо сравнивать не на родовом, а на видовом уровне.

С точки зрения процессуальности смотрит на релятивизм А.Н. Павленко, выделяя такие виды релятивизма, как статический и динамический. Первый (классический релятивизм) основан на вписанности в один раз и навсегда заданный концептуальный каркас (или конвенцию – термин, который употребляет Павленко), второй (неклассический) ставит целью сделать постепенно принятую рамку общезначимой.

В статье Е.О. Труфановой обсуждается концепция социального конструкционизма на примере феномена политкорректности и основанной на нем феминистской философии (а также «черной» и «квир»-эпистемологии). «Реальность» различна для представителей разных обществ, т. е. любая реальность является социально сконструированной – вот основной тезис социального конструкционизма. Е.О. Труфанова делает вывод о том, что политкорректность, каких бы вопросов она ни касалась (расовых, гендерных или политических), обладает релятивистскими свойствами, поскольку предполагает прямую зависимость самих явлений от их наименований, что в целом характерно для социального конструкционизма (с. 234). То, что феминистские ученые называют ситуационным знанием, показывает Е.О. Труфанова, можно считать только мнением, «мнимым» знанием, интерпретацией некоего научного факта или наблюдаемого явления через призму социокультурной «ситуации». Влияние социальных факторов на научные процессы отрицать мы не можем. Однако должно ли это приводить к релятивизму, должны ли мы утверждать, что наличие социокультурного контекста лишает любое знание объективности, и, смещая угол зрения на тот или иной феномен, мы способны трансформировать его содержание? Или мы должны говорить о неограниченном плюрализме – сколько типов социальных отношений, столько и «знаний»? – пишет она (с. 239).

На этом также делает акцент Е.Л. Черткова, говоря, что в эпистемологии наблюдается «абсолютизация зависимости когнитивных факторов от социокультурных, доходящая до признания последних доминирующими в получении нового знания» (с. 105). В конструкционизме идея ситуационного знания предполагает, что различные частные дискурсы дают разные знания, а не только разные точки зрения. Однако говорим ли мы здесь о знании или только о мнении той или иной социальной группы относительно того или иного знания или научного факта? Ситуационное знание играет более существенную роль в социогуманитарных науках, например, в истории, где объективные исторические факты могут участвовать в диаметрально противоположных субъективных теориях, зависящих от позиций тех или иных авторов (Е.О. Труфанова, с. 255). Таким образом, сам процесс научного познания в рамках феминистской эпистемологии поставлен в зависимость не

только от фактов и логики, но и от положения науки в социальной системе, в системе ценностей данного общества, от внутринаучных социальных отношений и т. д. Политкорректность порождает плюрализм: каждый имеет право голоса не только в политической жизни, но и в научном описании действительности, причем каждый из этих «голосов» представляет самостоятельную ценность и все они должны быть выслушаны с равным вниманием (Е.О. Труфанова, с. 257–258).

А.М. Анисов в свою очередь, поднимает вопрос о том, «растворяются» ли реальные объекты науки в той или иной системе социальных отношений и является ли такое «растворение» логически возможным. Общий парадокс релятивизма, подчеркивает он, состоит в том, что словосочетание «абсолютный релятивизм» буквально означает «абсолютную относительность», что выглядит самопротиворечиво, как и «относительная абсолютность». Абсолютное противопоставляется относительному, и наоборот (с. 300).

В целом понимание относительности самого процесса научного познания, зависящего не только от фактов и логики, но и от положения науки в социальной системе, в системе ценностей данного общества, от внутринаучных социальных отношений говорит не только о эпистемологическом релятивизме в узком смысле, а о релятивности как свойстве мира и в целом познания. Е.Л. Чертова выделяет три разные позиции, выступающие под одним наименованием, но не совпадающие между собой: «релятивизм как релятивность, наиболее адекватной формой постижения которой является диалектика, сфокусированная на таких сторонах мира и познания, как изменчивость, историчность, взаимозависимость, контекстуальность, конкретность и т. д. Вторая – эпистемологический релятивизм как субъективистская и антиреалистическая позиция, отрицающая возможность объективного знания. Третья – метафилософия, предлагающая свою парадигму для трактовки предмета и метода философии» (с. 109).

Релятивизм в науке и культуре

Важнейшим вопросом является тема релятивизма в науке и культуре, о чем пишут В.А. Лекторский, Е.А. Мамчук и Б.И. Пружинин.

Рассматривая релятивизм в моделировании развития культуры, Е.А. Мамчур приходит к выводу о том, что для реконструкции развития культуры непродуктивно использование циклических моделей с их утверждениями о полной замкнутости и об отсутствии преемственности между последовательно сменяющимися друг друга циклами (Дж. Вико, О. Шпенглер, А. Тойнби, Л. Гумилев и др.). Гораздо более адекватными реальному положению дел, считает она, являются модели, предполагающие кросс-культурное содержание, общее если не для всех, то хотя бы для сменяющих друг друга культур (Н. Хомский, К.Г. Юнг и др.). Признавая культурную релятивность идей и концепций, содержащихся в различных культурах, они учитывают наличие в них «сквозного», кросс-культурного содержания, что позволяет им избежать релятивизма.

Собственно, вопрос, который интересует Е.А. Мамчур, состоит в том: «являются ли релятивными по отношению к тому или иному типу культуры мышление людей и присущая мышлению логика?» Таким образом, ставя в своем исследовании вопрос о глобальности культурной релятивности, она предлагает не принимать тотальную детерминированность формами и способами жизнедеятельности людей, а рассмотреть через понятия содержание таких культурных феноменов, как язык, темпоральные (временные) представления, эстетические стандарты и критерии, способы обоснования мыслительных конструкций и рассуждений – степень их релятивности к типу культуры, в которой они функционируют. Она делает вывод о том, что отсутствие глобального различия в их характере, наличие абстрактных общих структур, лежащих в их основании, позволяет говорить об отсутствии культурного релятивизма.

Б.И. Пружинин делает акцент на том, что последние десятилетия характеризуются господством институционально-организационного компонента в структуре науки, когда «социально ориентированный интерес определяет сегодня основания ее концептуальных представлений о науке и о собственно научно-познавательной деятельности». Он пишет, что «простое и радикальное отрицание методологической нормы равносильно отказу от стержневого, по сути, образующего параметра особого типа коллективной познавательной деятельности» (с. 162). Это рассужде-

ние Б.И. Пружинина касается в первую очередь важнейшей проблемы детерминированности научного знания результатом, что сегодня лежит в основе формировании научной политики и оснований эффективного научного менеджмента. Эта релятивистская тенденция, когда переходит на уровень государственной идеологии, действительно может привести к очень опасным результатам. Мотив научной деятельности определяется не задачами научного поиска, не когнитивным любопытством, а внешней и притом весьма изменчивой социокультурной детерминацией («социальный запрос» в широком диапазоне – от социально-прагматического до мировоззренчески-идеологического) (с. 169). И важно в данном случае понимать, как ведет себя сама наука в этих условиях. Пока самосознание науки не детерминировано до конца такими внешними факторами, как политический и социальный заказ, «полезность» для общества, наука развивается естественно. Но если, как полагают релятивисты, в главу угла поставлены рациональные ориентиры науки как практически полезной разновидности коллективной деятельности в рамках социума, то и культура станет пониматься как «нечто узкое и прагматичное, нежели наполненные экзистенциальными смыслами самоценные формы бытия человека в истории» (с. 175). Б.И. Пружинин предостерегает нас от излишнего позитивизма и социологизма, фактически превращающего философию науки в идеологию научных сообществ, но зато открывающего перед социологией перспективу стать рационализирующим основанием этой идеологии. В научном сообществе, выполняющем функции обслуживания социума и вообще любого, кто формирует запрос, уходит преемственность знания и способность знания развиваться и наращиваться естественным образом. Он пишет, что в этом случае «из поля зрения исследователя науки выпадает как раз то, что делает научное познание деятельностью самодовлеющей, порождающей в себе и для себя все новые и новые осмысленные тексты, которые наука, трансформируя, удерживает в себе, т. е. реализует себя именно так, как реализует себя в различных областях деятельности европейская культура – исторически» (Б.И. Пружинин, с. 177).

Вместо заключения

Размышлять над проблемами, поднятыми в этой книге, можно и нужно много и долго. Однако подчеркнем следующее. Как для науки, так и для культуры есть одно важнейшее условие развития: это диалог. Диалог с ближним, с другим, критический и взаимообогащающий диалог, открытость к другим людям, методам, формам познания мира, к внешней реальности. Это условие здорового развития общества. Поэтому само разнообразие мира спасет нас от замыкания в релятивистских каркасах, только необходимо продолжать этот диалог с миром и с другими. Если обращать этот вопрос к философии, то, как пишет Д.И. Дубровский «смысл философской деятельности состоит в творчестве новых и охране старых, проверенных историческим опытом, жизнеутверждающих смыслов. Философия призвана противостоять нагнетанию абсурда и деструктивности, росту шизоидных и невротических тенденций в культуре, крепить внутреннюю самоорганизацию и мужество духа, т. е. противодействовать как раз тем тенденциям, которые выражают и, подкрепляют позиции крайнего релятивизма» (Д.И. Дубровский, с. 53). Это определяет назначение и особую роль философии в культуре.

Список литературы

Agassi J. Kuhn's way // Philosophy of the social sciences. September 2002. Vol. 32. No. 3. P. 379–430.

Мамчур Е.А. Объективность науки и релятивизм: (К дискуссиям в современной эпистемологии). М.: ИФ РАН, 2004. 242 с.

Мамчур Е.А. Эпистемологический релятивизм: гносеологические истоки // Эпистемология: перспективы развития. М., 2012. С. 273–295.

Поннер К. Открытое общество и его враги. Т. 2. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 528 с.

Релятивизм, плюрализм, критицизм: эпистемологический анализ / Отв. ред. *В.А. Лекторский*. М.: ИФ РАН, 2012. 181 с.

Reflection on the Book “Relativism as a disease of contemporary philosophy” (Ed. By V.A. Lektorsky. Moscow, Kanon+, 2015)

Alexandra Yakovleva

CSc in Political Science, Executive Secretary. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Volkhonka Str. 14, bld. 5, Moscow 119991, Russian Federation. E-mail: afyakovleva@gmail.com

The paper is reviewing the content of the book “Relativism as a disease of contemporary philosophy” (Rep. Ed. V.A.Lektorsky). Authors of the book analyze the main problems associated with the trend of relativization in the processes of cognition and in the modern epistemology. The authors identify different types and kinds of relativism, emphasizing the need to separate knowledge from opinion, truth from error and lies in order to show that the knowledge should not be reduced to the “situated knowledge”. Particular attention is paid to the analysis of relativistic tendencies in the development of science and in the modeling of the culture development.

Keywords: relativism, epistemology, relativity, cognition, science, frame, culture, philosophy, dialog

References

Agassi, J. “Kuhn’s way”, *Philosophy of the social sciences*, 2002, vol. 32, no 3, pp. 379–430.

Mamchur, E.A. *Ob’ektivnost’ nauki i relyativizm: (K diskussiyam v sovremennoi epistemologii)* [Objectivity of science and relativism: (in discussions in contemporary epistemology)]. Moscow: IF RAN Publ., 2004. 242 pp. (In Russ.)

Mamchur, E.A. “Epistemologicheskii relyativizm: gnoseologicheskie istoki” [Epistemological relativism: gnoseological origins], *Epistemologiya: perspektivy razvitiya* [Epistemology: perspective of development]. Moscow, Kanon + Publ., 2012, pp. 273–295. (In Russ.)

Popper, K. *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi* [Open society and its enemies]. Vol.2. Moscow, Feniks, Mezhdunarodnyi fond “Kul’turnaya initsiativa” Publ., 1992. 528 pp. (In Russ.)

Relyativizm, plyuralizm, krititsizm: epistemologicheskii analiz [Relativism, pluralism, criticism: epistemological analyze], ed. by V.A. Lektorsky. Moscow, IF RAN Publ., 2012. 181 pp. (In Russ.)